

КОГО И КАК УЧИТЬ В СПЕЦШКОЛЕ?

А. Л. ТООМ

КАНД. ФИЗ.-МАТ. НАУК

Уважаемая редакция!

Мой сын в этом году закончил третий класс с отличием. Классный руководитель и администрация 695-й школы рекомендовали определить его для обучения в школу с углубленным изучением математики. Когда я с этой рекомендацией пришел в математическую спецшколу Первомайского района, находящуюся в десяти минутах ходьбы от нашего дома, директор школы сказала, что свободных мест нет. Я обратился в роно, но инспектор ничем помочь не смогла и объяснила, что учеников в эту школу принимают только из микрорайона. И тех, кто учится слабо, из спецшколы не отчисляют без согласия на то родителей.

Насколько мне известно, школьная реформа призвана способствовать тому, чтобы в школе ученики получали «абсолютные знания», а не учились чему-нибудь. Но разве можно этого добиться от ученика, который не может или не хочет, скажем, заниматься математикой? А его принуждают только потому, что он живет близко от спецшколы.

Н. КОСТАРЕВ
Москва

Следует ли всех подростков учить одинаково — одному и тому же, в одном и том же объеме, по одним и тем же программам и учебникам? Или надо разнообразить содержание и методы обучения в средней школе с учетом индивидуальных способностей и склонностей? Кого и как обучать в так называемых спецклассах, то есть классах с углубленным изучением некоторых предметов? Эти вопросы сейчас очень актуальны и оживленно обсуждаются. Казалось бы, теперь уже доказывать необходимость самого существования школ и классов с углубленным изучением тех или иных предметов — значит ломиться в открытую дверь. В правительственных документах содержатся недвусмысленные призывы к созданию и совершенствованию таких классов. В системе просвещения приняты меры, облегчающие их открытие — теперь для этого достаточно решения педсовета при поддержке роно. И школы уже объявляют прием в классы с углубленным изучением химии, математики, литературы, русского, английского языков, в педагогические классы.

И все же развитие углубленных форм обучения наталкивается на множество проблем. Разумеется, решающее слово тут скажет практика. Но, думается, обсуждение этих проблем в печати может принести несомненную пользу.

Чтобы сразу задать высокий уровень аргументации, давайте вспомним документы первых лет Советской власти о народном образовании. Первый пункт Декрета о правилах приема в высшее учебное заведе-

ние Российской Социалистической Федеративной Советской Республики, датированного 2 августа 1918 года и подписанного В. Ульяновым (Лениным), М. Покровским и В. Бонч-Бруевичем, гласит: «Каждое лицо, независимо от гражданства и пола, достигшее 16 лет, может вступить в число слушателей любого высшего учебного заведения без представления диплома, аттестата или свидетельства об окончании средней или какой-либо школы». Тем же днем датирован написанный Лениным проект постановления Совета Народных Комиссаров, в котором говорится: «Совет Народных Комиссаров поручает Комиссариату народного просвещения подготовить немедленно ряд постановлений и... шагов для того, чтобы, в случае... если число желающих поступить в высшие учебные заведения превысит обычное число вакансий, были приняты самые экстренные меры, обеспечивающие возможность учиться для всех желающих, и никаких не только юридических, но и фактических привилегий для имущих классов не могло быть».

Равенство большевики понимали прежде всего как классовое равенство. Дискриминация «кухаркиных детей» — вот что вызвало протест. Но ни один разумный человек никогда не отрицал индивидуальных различий людей по способностям.

А как трактуется принцип равенства в нашей сегодняшней школе? Миллионы детей учатся по одинаковым программам, одинаковым учебникам, решают одинаковые задачи. Разумеется, это формальное «равенство» отнюдь не исключает того самого реального неравенства, с которым хо-

тели покончить Ленин и его единомышленники. Сегодня, к примеру, учеба в столице и учеба в далеком селе вовсе не равноценны. Правда, у нас есть различные заочные школы, призванные это неравенство сгладить.

Так, при Московском государственном университете уже два десятка лет работает Всесоюзная заочная математическая школа, дающая возможность углубленно заниматься математикой старшеклассникам из сел и маленьких городов страны. ВЗМШ гордится тем, что число ее учеников, включая все филиалы, приближается к двадцати тысячам. Но если сравнить эту цифру с числом подростков в сельских районах, станет ясно, что ВЗМШ вместе с заочными школами при других вузах отнюдь не решает проблемы выявления и развития талантов на селе.

Когда заговаривают о необходимости разнообразия в школьном обучении, в противовес выдвигаются обвинения в «элитарности», то есть недемократизме. Однако те формы несправедливости, которые стыдливо называют элитарностью, можно назвать точнее: блат, откровенное использование родителями своего служебного положения для устройства ребенка в престижную школу. Вот это прямо связано с игнорированием различных способностей детей, ибо с помощью бюрократических трюков удается поставить бездарных в лучшие условия, чем талантливых. Вот это и есть то, с чем надо бороться всеми силами. И лучший путь для этого, единственное, что способно разрушить несправедливую систему,— выявление подлинных талантов.

Я не работник системы просвещения и не собираюсь давать исчерпывающих ответов на поставленные в письме Н. Костарева вопросы. Я — математик по профессии и педагог в свободное от основной работы время. Мне хочется поделиться теми грустными размышлениями, на которые меня навело это письмо. К сожалению, ситуация, описанная в нем, повторяется сплошь и рядом. Но эта ситуация глубоко ненормальна. Вдумаемся только: в голодном 1918 году Ленин требовал возможности учиться для всех желающих даже в высших учебных заведениях. А семьдесят лет спустя отец, стремящийся обеспечить своему малышу условия, способствующие развитию его природных способностей, вынужден все это выпрашивать и даже ставить вопрос о том, чтобы это было сделано за счет интересов какого-то другого ребенка, пусть и менее способного.

Мне хочется сформулировать и критически оценить три различных принципа набора учеников в спецшколы. Первый и самый худший из них — это территориальный принцип: набирать в спецшколу, в спецклассы тех, кто живет в микрорайоне, приписанном к данной школе. Самый худший он потому, что начисто игнорирует индивидуальность, склонности, особенности ребенка. С бюрократической точки зрения этот принцип удобен, а с человеческой — оскорбителен для тех, кто проявляет подлинный интерес к углубленным занятиям. В сущности набирать детей в спецшколу по месту жительства ничем не лучше, чем набирать по блату: в обоих случаях игнорируется главное — возможности и способности ребенка.

Второй принцип — по конкурсу. Многие думают, что это вообще наилучший принцип, и он действительно дает неплохие результаты. Конечно, те, кто выдерживает конкурс, как правило, способные ребята. Беда только в том, что среди тех, кто конкурс не выдерживает, тоже могут быть незаурядные таланты. История знает немало примеров, когда выдающиеся люди получали низкую оценку своих способностей в различных учебных заведениях при различных конкурсах и экзаменах.

Думаю, что самый лучший принцип отбора для всех видов углубленных занятий — это отсутствие отбора. Пусть приходит кто хочет. Мне возражат: так не будет никакого порядка, потому что придет

слишком много народу. О, если бы это было так! К великому сожалению, так не будет. Может быть, от природы, от рождения все дети — одаренные, творческие натуры. Но к тому возрасту, о котором мы говорим, то есть к средним и старшим классам (а именно на этот возраст ориентировано создание спецклассов), каждый ребенок уже во многом определился как личность, и если эта личность не склонна к углубленной творческой деятельности, то ее носитель просто не захочет напрягаться, не заинтересуется программой повышенного типа. Для такого ребенка пребывание в классе с углубленным изучением чего-либо будет только мучением. Если он даже под давлением родителей или подражая

товарищам и начнет такие занятия, то вскоре почувствует, что учиться в таком классе ему не по силам.

Если исходить из того, что третья ступень школы будет «по выбору» — то есть с классами различного профиля, то именно вторая ступень предназначена для того, чтобы подготовить учеников к предстоящему выбору, правильно сориентировать их на дальнейшее обучение в старших классах.

Вот почему важно в средних классах, где закладывается фундамент знаний, предоставить возможность каждому ученику попробовать себя в разных науках и утвердиться в чем-то определенном. Иначе говоря, школа принимает всех, но при этом, если, скажем, у кого-то не идут точные науки, ему предоставляется возможность усвоить их по минимуму, но зато в большем объеме изучать какой-то другой предмет.

В этом смысле убедительным примером может служить система кружков для школьников по математике, существующая при Московском университете уже десятки лет. Для таких кружков типичен отсев: в начале учебного года аудитория битком набита, а потом остается два-три десятка ребят, с которыми и начинается настоящая работа.

Право выбора должно быть у людей всюду и всегда. Но зададим себе вопрос: появится ли у семиклассника склонность к какому-либо предмету, иными словами — желание изучать его углубленно в спецклассе, если все предыдущие школьные годы его учили бездарно? Если у него вообще пропал интерес к учебе (а может, и не был вовсе разбужен)? Ведь в таком случае выявить таланты затруднительно. И все наши планы о разветвленной сети спецклассов для старших школьников останутся одними благими пожеланиями.

Выход только один: поднять качество обучения наших детей в первые пять-шесть школьных лет. Каким образом? К примеру, предоставив ученикам и их родителям право переходить к тому учителю, что учит лучше. Мне скажут: так у одних учителей окажется много учеников, а у других мало. Вот и хорошо! Это и будет то самое соревнование — в школьных условиях — умов и талантов, к которому нас сейчас призывают. Давайте от призывов переходить к делу!

Наших детей учат в школах отнюдь не бесплатно: средства на школьное образование обеспечиваются результатами нашего с вами общего труда, и каждый из нас имеет право требовать, чтобы школа, которую мы материально содержим, обеспечила каждому ребенку доброкачественного учителя. Когда у плохих учителей начнут разбегаться классы, директорам придется внимательнее относиться к тем, кого они принимают на работу, и создавшееся напряжение в конце концов приведет к повышению качества обучения, да и воспитания тоже.

Мне могут возразить: где же прямо сейчас взять достаточно педагогов, способных вести обучение на должном уровне?

Но такие педагоги есть, просто мы их неэффективно используем. Взять хотя бы многочисленных репетиторов. Многие из них, оказавшись в школе, учили бы не одного-двух, а целую группу ребят. Знаю, что некоторые директора принимают в школу на работу увлеченных и знающих лю-

дей, не имеющих педагогического образования, но вполне владеющих методикой преподавания и обучения своему предмету. Тем более что сейчас разрешена работа по совместительству.

Для того чтобы помочь ребятам выявить и проявить свои способности, необходимо решительно отказаться от принудительности как лейтмотива школьного обучения и заменить ее другими, противоположными методами стимулирования учебной деятельности.

Пожалуй, главная беда современной школы в том, что дети в ней не сочетают учебы с непринужденным самовыражением. Беда эта не нова. Еще Л. Н. Толстой определил ее как «школьное состояние души», «...способность подавлять в себе все высшие способности для развития только тех, которые совпадают с школьным состоянием — страх, напряжение памяти и внимание».

Чем, как не этим специфическим «школьным состоянием души», можно объяснить тот факт, что детей вообще приходится заставлять учиться? Фактически типичное отношение детей к учебе в нынешней школе проявляется в том, что они всячески стремятся отлынивать от учебы, скрывать свое незнание. «Ура, училка заболела!» — печально знакомый возглас. Школа же делает упор на то, чтобы заставить детей учиться и проконтролировать, какие получились результаты. Вследствие этого содержание обучения определяется тем, что удобно проконтролировать, а не тем, что полезно детям.

Но хуже всего, что в условиях принудительного обучения у детей не развивается или даже отмирает умение извлекать знания из окружающей среды. Нерадивый ученик ухитряется не понять того, что черным по белому написано в учебнике, о чем говорилось на уроке. Ясно, что это парадоксальное непонимание в большинстве случаев нельзя сводить только к простой неспособности. Можно не сомневаться в том, что сам факт принудительности окрашивает учебу в негативные тона и вызывает массовый негативизм, приучающий не видеть, не слышать, не понимать учебного материала. Протivoестественное состояние! Ведь в каждого здорового ребенка вложен от природы мощный импульс любопытства, властно толкающий его к познанию окружающего мира. Нелегко подавить этот импульс. Но наша система принудительной учебы успешно справляется с этой трудной задачей.

И, может быть, дети не так уж неправы, что увивают от отсиживания на уроках и от заучивания параграфов «близко к тексту». Может быть, то чувство скуки, которое толкает их к этому, есть правильная, здоровая реакция на недоброкачественную духовную пищу. Недоброкачественную не в том смысле, что детям сообщают что-то неверное (хотя и такое случается). Слишком часто материал для усвоения, отнимающий у детей десятки и сотни часов напряжения, не развивает их по существу.

Может быть, мы хотим невозможного, ратуя за создание такой учебной среды, в которой дети учились бы математике, равно как и другим предметам, так же непринужденно и так же эффективно, как они учатся играм на свежем воздухе? Однако я могу назвать реальный пример такой учебной

среды. Это московский клуб «Компьютер», только что отметивший окончание второго года своего существования. Правда, ребята, приходящие в этот клуб, отличаются от общей массы уже тем, что пришли, проявили инициативу. В школе такие ребята не всегда находят своей инициативе применение. Клуб открывает перед ними новые перспективы творческого роста.

В обычной школе типичное нарушение — прогул. В нашем клубе типичное нарушение — это когда ребята сверх установленных для них часов занятий приходят еще и еще, стараются записаться не в одну, а в две или даже три учебные группы. При этом надо учесть, что выпускаемые в большом количестве западными фирмами «приключенческие» компьютерные игры в нашем клубе запрещены. Значит, ребята приходят не играть, а учиться. И эта учеба обладает для них огромной притягательной силой. При этом мы, преподаватели клуба, никогда не натаскиваем учеников, ничего им не разжевываем, избегаем давать им знания в готовом виде. Наиболее активные ученики клуба в возрасте двенадцати — шестнадцати лет фактически образуют как бы колледж. Они вступают в многочисленные контакты, где личная дружба становится неотделимой от совместной учебы. Ситуации, когда ребята учатся друг у друга, что-то объясняют друг другу, вместе размышляют, постоянны. Фактически клуб стал многоплановой развивающей средой. Здесь учатся не только программированию и информатике, но и тому, как вообще чему-либо научиться. Учатся коллективному общению и с взрослыми, и с серьезными старшеклассниками, и с непоседливыми малышами.

Если взять атмосферу тяги к знаниям и умениям, царящую в клубе, в качестве точки отсчета, то становится обнаженно ясно, что принцип принудительности учебы, господствующий в современной школе, крайне вреден для учеников, так как ставит их в положение пассивных потребителей и нередко навсегда отбивает охоту к познавательной инициативе. А ведь во всех наших школах висит плакат: «Учись учиться!». В условиях современной средней школы это не более как лозунг, ибо в ее стенах очень трудно осуществить этот призыв.

Ведь что включает в себя умение учиться? Умение отобрать нужный материал, умение самому принимать решения, чему и как учиться. Но какие бы решения ни принимал сегодняшней старшеклассник, учить его все равно будут по стандартной программе, а отбирать материал из учебника — вообще неблагоприятная задача: из каждого учебника уже исключено практически все, что может оказаться кому-то ненужным или недоступным. В результате прохождения многочисленных инстанций на пути к опубликованию и тем более утверждению от любого учебника остается выжимка, не несущая на себе отблеска творческой личности его создателя, не способная увлечь.

Школа — это особая часть общественного организма, нацеленная в будущее. Вот почему так важно в ходе перестройки школы избавить детей от «школьного состояния души», которое долгое время насаждалось в нынешней системе народного образования.